

**ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ****(на материале торжественных слов
Кирилла Туровского)**

Образ Богородицы в статье восстанавливается по проповедям Кирилла Туровского, известного проповедника XIII в., и по некоторым другим литературным памятникам Киевской Руси, приведенным для сравнения. Оратор часто описывает Богородицу в проповедях на пасхальные праздники. Можно различить два разных образа, создаваемых средневековыми книжниками: первый – Богородица-Царица, второй – Богородица-страдающая Мать. Образ страдающей Богородицы стал основополагающим для понимания такого важного нравственного аспекта православного мировоззрения, как сострадание, явился одним из важных стилиобразующих моментов в произведениях ораторов Киевской Руси и в литературе второго южнославянского влияния.

Ключевые слова: Кирилл Туровский, проповедь, Богородица, сострадание.

**IMAGE OF THE HOLY VIRGIN IN THE
ANCIENT RUSSIAN LITERATURE****(on the material of solemn words
of Kirill Turovsky)**

In this article the image of the Virgin is restored according to the sermons of Kirill Turov, a famous preacher of the XIII century, and to some other literary monuments of Kiev Rus given for comparison. The orator often describes the Holy Virgin in the sermons on Easter holidays. One can distinguish two different images created by medieval scribes: the first is the Virgin Mary Queen, the second is the Virgin Mother Suffering. The image of the suffering Virgin became fundamental for understanding such an important moral aspect of the Orthodox worldview, as compassion, and became one of the important style-making moments in the works of the speakers of Kiev Rus and in the literature of the second South Slavic influence.

Keywords: Kirill Turovsky, sermon, Virgin, compassion.

Один из центральных образов древнерусской культуры – образ Богородицы – нашел своеобразное отражение в литературных памятниках Древней Руси. Можно различить два разных образа, создаваемых средневековыми книжниками: первый – Богородица-Царица, Богородица в своей славе после воскресения Христова; второй – Богородица – страдающая Мать, Богородица при жизни Христа.

Наиболее распространенным в произведениях является первый образ. О Богородице-Царице повествуется в многочисленных рассказах о чудесах, происшедших от Ее икон, в житиях святых, когда Она является подвижнику и укрепляет его или наставляет, как, например, в Житии Феодосия Печерского и др. В указанных произведениях литературный образ Богородицы подобен иконе: Она статична, царственна, божественно спокойна, является заступницей перед Богом и одновременно Царицей – так Ее видят подвижники, так видят Ее мастера Успенской Лаврской церкви:

«И видѣхомъ Царицю и множество вои от Ней, поклонихомся Ей, и та рече к намъ: “Хощу церковь възградити Себѣ в Руси, в Киевѣ, велю же вамъ, да возмѣта злата собѣ на 3 лѣта”. Мы же, поклонившеся, рѣхомъ: “О Госпоже Царице! В чюжу страну отсылаеши нас, къ кому тамо приидемъ?” Она же рече: «Сию посылаю ко Антонию и Феодосию» [1].

Литературные источники этого образа Богородицы очевидны: такой Она изображена в многочисленных патериках, переведенных на древнерусский язык в эпоху Киевской Руси, в Прологе, в поучениях святых отцов, в Чудесах от икон Богородицы, в Словах об Успении и Хождении Богородицы по мукам. В Слове об Успении мы видим Богородицу, окруженную прислужниками и отдающую им приказания, опять же как Царицу:

«Слышавши же си от архангела, возвратися въспять въ Вифлеом, имущи съ собою вкупѣ три дѣвы, яже Ей служажу,

рече къ дѣвамъ: “Принесѣте Ми кадилницу, да Ся помолю”. И принесоша по заповѣданному им, и помолися» [2].

Даже в Хожении Богородицы по мукам, где Она показана чутко откликающейся на видимые Ею мучения и плачущей о грешниках, Она все-таки предстает как Царица, Ее восхваляют как Царицу, и сама Она говорит о себе как о почитаемой всеми: «И паки прослезися Святая Богородица и рече къ нимъ: “Почто ся соблазните, не въсте ли вы, яко жъ Мое имя чте все создание?”» [3].

Нужно признать, что этот образ, Богородицы-Царицы, Богородицы-Владычицы, был самым устойчивым топосом переводных и оригинальных древнерусских произведений. Он связан с той частью жизни Богородицы, которая началась после Воскресения Иисуса Христа.

Но совсем иным, более живым, красочным представляется тот образ Богородицы, который запечатлен в проповедях древнерусских ораторов, посвященных Страстям Христовым. Здесь Богородица не статична, не царственно спокойна и величественна; Она запечатлена в действии – во время Ее земной жизни. Думается, именно этот образ мог оказаться ближе, теплее и понятнее для людей молодого христианского государства. Мы рассмотрим несколько проповедей Кирилла Туровского, автора цикла торжественных слов, посвященных Пасхе и послепасхальному периоду богослужебного церковного года.

Одна из самых знаменитых проповедей Кирилла Туровского – «Слово О съятии Тела Христова съ Креста, и о мироносицахъ, отъ сказанія Евангельскаго, и похвала Иосифу». Более чем наполовину это Слово состоит из интерпретации плача Богородицы над телом Христовым:

«Увы мне, Чадо мое, Свете и Творче тваремъ! Что Тя ныне въсплачу? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения

и по плещема биения, уз же и темнице, и заплевания святого Ти лица, яже от беззаконник за благая прият!» [4].

Цитату можно было бы продолжить, плач Богородицы в произведении Кирилла занимает не одну страницу. Перед нами уже не статичная и царственная Богородица, но Богородица страдающая, как бы приклоненная к земле своим горем, сотрясающаяся от рыданий: «Яже оть болезни сердца горце рыдающе сице глаголаше: <...> Слышите, небеса и море с землею, внушайте моих слезъ рыдание» [4].

Богородица рыдает и восклицает, как бы желая заставить весь мир услышать Ее плач. Плач Ее, по Кириллу, слышит Иосиф Аримафейский: «И си слышавъ Иосиф приближися къ горко рыдающей Матери, его же видѣвши мольбьными тому оплѣташеся глаголы <...>» [4].

Именно безутешные слезы Богородицы заставляют Иосифа совершить тот подвиг, который навсегда вписал его в Евангельскую историю, – взять Христово тело у Пилата.

Анализируемое Слово полностью построено Кириллом на разных интерпретациях плача Богородицы и Иосифа, причем плач последнего органично переплетается с плачем Богородицы, является ответом на него и как бы составной его частью.

Богородица в проповеди Кирилла изображена не просто плачущей, а громко и безутешно рыдающей, укоряющей убийц Ее Сына, обращающейся к Сыну и ищущей у Него ответа. Здесь и близко нет статичности и иконичности, хотя бы такой, которая присутствует в Евангелии в главе о Страстях. Евангельский текст говорит о Богородице у Креста очень мало и скупно. Так, Евангелия от Матфея, от Марка и от Луки вообще не упоминают о Богородице при Кресте, в Евангелиях от Марка и от Луки есть лишь краткие указания, что некоторые жены издали смотрели, где положат тело Иисусово, но имя Богородицы среди них не названо. Лишь в Евангелии от Иоанна есть рассказ о Богородице, к которой Христос обратился прямо с Креста:

«Стояжу же при Крестѣ Иисусовѣ Мати Его... <...> Иисусъ же видѣвъ Матерь и ученика стояща, егоже любляше, глагола Матери Своей: Жено, се Сынъ твой. Потомъ глагола ученику: се Мати твоя. И от того часа поять Ю ученикъ во своя си» [Ин 19: 25–27].

Этим евангельское повествование о Богородице при Кресте исчерпывается. Более того, все четыре Евангелия повествуют об Иосифе Аримафейском и о снятии тела Христа с Креста, но ни в одном из них это событие не связано с просьбой Богородицы. В то же время в Слове Туровского проповедника Иосиф Аримафейский откликается именно на плач Богородицы, умиляется им, и это заставляет его просить у Пилата тела Христова с риском для себя.

Каким же источником пользовался Кирилл, создавая этот живой, такой близкий любой матери и любому отцу образ?

Медиевисты неоднократно указывали на библейские тексты как на источники стиля ораторского красноречия Киевской Руси, в том числе и произведений Кирилла Туровского. Так, Д. С. Лихачев, описывая явление стилистической симметрии в древнерусской литературе, говорит: «Влияние книги псалмов, а отчасти и других поэтических книг Библии, было постоянным, периодически усиливаясь и сказываясь особенно явственно в литературе “высокого стиля”» [5, с. 159]. Мысль об использовании Кириллом Библии, а имен-

но библейских плачей, в качестве литературного источника высказана в статье Л. Н. Гридневой [6].

В. В. Колесов описывает уникальную стилистику Слов Кирилла как явление средневековой литературной топики, использование автором топосов-символов [7]. Однако в нашем случае мы должны отметить как раз не-использование Кириллом традиционного топоса «Богородица-Царица», рассмотренного нами выше. Мы должны констатировать именно отказ Кирилла от этого топоса, создание принципиально противоположного образа.

О. В. Творогов указывает на умение Кирилла использовать литературные традиции знаменитых проповедников древности и, следовательно, их произведения считает своего рода литературным источником Кириллова стиля [8]. Но мы опять-таки не находим в переводных произведениях Киевской Руси каких-либо параллелей с образом Богородицы в проповеди Кирилла.

Итак, ни Евангелие, ни ораторские произведения древности, ни жития, ни патерики – ничто из названных источников не было образцом для Кирилла Туровского, создавшего столь живой образ страдающей Богородицы-Матери. Очевидно, был еще какой-то литературный источник, которым пользовался древнерусский автор.

Думается, источником образа Богородицы в проповеди Кирилла Туровского является богослужебный текст, а именно службы на Страстную Пятницу и Великую Субботу. Причем Кирилл Туровский не просто перенимает какие-то черты образа в своих проповедях, а активно использует богослужебный текст: цитирует его, вставляет в проповедь реминисценции и аллюзии на гимнографические произведения. Сравним несколько отрывков:

Слово Кирилла

Вижу Тя, милое мое
Чадю, на Кресте нага висяща,
бездушна, беззрачна,
не имуща видения, ни доброты,
и горько уязвляюся душею... [9, с. 81].

...горько уязвляюся душею.
И хотела бых с Тобою умрети,
– не терплю бо бездушна Тебе зрети... [9, с. 81].

Кде Ми, Чадю, благовествование,
еже Ми древле Гавриил глаголаше...
Царя Тя и Сына Вышняго нарицающа... [9, с. 81].

Дерзнув въниде къ Пилату и въпроси глаголя:
«Дажь ми, огомоне, тело страннаго оного Иисуса...» [9, с. 82].

Служба

Страстной Пятницы

Вижу Тя ныне, возлюбленное мое Чадю и любимое,
на кресте висяща, и уязвляюся горце сердцемъ... [10, с. 464 об.].

...уязвляюся лютею утробю.
Хотела быхъ съ Тобою умрети,
Пречистая глаголаше: не терплю бо безъ дыхания мертва Тя видети [10, с. 465 об.].

Где, Сыне мой и Боже, благовещение древнее,
еже Ми Гавриил глаголаше:
Царя Тя и Сына Бога Вышняго нарицаше... [10, с. 466].

...въ нощи къ Пилату пришедшаго и Живота всехъ испросившаго:
«Дажь ми Сего страннаго...» [10, с. 485].

Характерно, что, произнося Слово в третье воскресение после Пасхи, Кирилл прибегает к тем гимнографическим произведениям, которые звучали в Церкви на Страстной седмице, т. е. в неделю перед Пасхой. Так, киевский оратор цитирует тексты стихир и канона, которые поются вечером Страстной Пятницы. Важное место в произведении Кирилла занимает неточная цитата из стихир Иосифу Аримафейскому, поющая утром Страстной Субботы. Оратор как бы заставляет слушателя вернуться во время и пространство предпасхальных богослужений, вспомнить ритм и мелодии Страстных песнопений, а значит, и молитвенное настроение тех дней. По-видимому, возвращение к этому настроению, к состоянию сострадающей Богородицы и живо откликающегося на Ее плач Иосифа, является одной из главных целей оратора.

Рассматриваемое Слово настолько пронизано цитатами и реминисценциями из гимнов, что, кажется, задача писателя лишь в соединении различных отрывков в единый текст, и авторская речь только обрамляет гармоничную мозаику цитат. Особенного внимания заслуживает характер цитирования. Кирилл Туровский, как правило, не дословно приводит богослужебный текст: он либо близко пересказывает его, либо изменяет в нем несколько слов, либо соединяет и переплетает между собой отрывки из двух, а то и трех разных текстов. Кроме того, автор нередко вставляет внутрь цитаты свои слова, т. е. расширяет цитируемый текст с помощью приема амплификации. Так, описывая плач Богородицы и Иосифа Аримафейского в Слове, Кирилл цитирует несколько богослужебных текстов. За основу автор берет одну из стихир Страстной Пятницы и, приводя отрывки из этой стихир, вставляет внутрь каждого отрывка либо свои слова, либо цитаты из других гимнографических произведений. При этом стилистически весь плач у Кирилла одобрен взятой за основу страстной стихире, о чем говорит использование приема анафоры. В итоге этот период в тексте оратора представляет собой сложнейшую мозаику из богослужебных текстов и собственных слов автора.

<i>Слово Кирилла</i>	<i>Стихира Страстной Пятницы</i>
Како пречистемь прикоснуса теле Твоемь, неприкосновеньну Ти сущу небесным силам, служащимъ Ти страшно!	Како погребу Тя, Боже мой, ...
Кацями же плащаницами обию Тя, повивающаго мьглою землю и небо облаки покрывающаго!	... или какою плащаницею обвию; ...
Кья ли надгробнья песни исходу Твоему Въспою, Емуже въ вышних немолчными гласы Серафими поють!.. [9, с. 83]	... или кия песни воспую Твоему исходу, Щедре... [10, с. 464 об.].

Как будто не удовлетворяясь теми скорбными восклицаниями, которые отражены в песнопении, Кирилл добавляет к ним новые восклицания и тем самым, во-первых, усили-

вает описание плачевного настроения Богородицы и Иосифа, а во-вторых, задает всему торжественному слову ритм церковного молитвословия.

Подобные амплификации неоднократно встречаются в переводной литературе Киевской Руси, например, в торжественных словах Иоанна Златоуста (см. его толкования Ветхого и Нового Заветов) и поучениях Ефрема Сирина (например, в Слове об Иосифе Прекрасном) с тем лишь отличием, что древние авторы включали амплификацию в пересказ библейского текста, а Кирилл Туровский – в вольное цитирование богослужебных произведений, в частности, Страстных. Роль же цитат и амплификаций в обоих случаях одна – они задают торжественному Слову такой ритм, который приближает его к молитвословию и создает у слушателей молитвенное и сострадательное, в случае с созданием образа Богородицы, настроение.

Создание молитвенного и сострадательного настроения является главной задачей знаменитого оратора Киевской Руси, поэтому он и прибегает к Страстным богослужебным текстам как к литературному источнику. Пожалуй, мы не можем сейчас с точностью определить, является ли цитирование гимнографии сознательным или невольным. Можно предположить, что Кирилл Туровский знал наизусть многие богослужебные тексты и непроизвольно вкраплял их в свои произведения. Однако можно предполагать и другое, а именно, что он сознательно обращает внимание слушателей к какому-то конкретному гимнографическому произведению. Неслучайно в рассмотренном нами Слове чаще всего цитируется один и тот же богослужебный текст – канон Страстной Пятницы, который, по замыслу автора, наиболее соответствует выбранной для проповеди теме. В любом случае стилистическое оформление Слов Кирилла и особенности вкрапления цитат возвращают слушателей и читателей к богослужению, т. е. к молитве. Ритм Кирилловых Слов – это молитвенный ритм.

Такое отношение к авторской задаче оратора вполне соответствует православному учению о непрестанной молитве. Кирилл Туровский, как известно, является не только оратором, но и гимнографом Киевской Руси. Его перу принадлежит несколько богослужебных произведений, таких как покаянные и молебные каноны, «Цикл седмичных молитв» и др. (см. об этом: [11]). Именно молитва поставлена во главу угла в его проповедях, но он, как тонкий психолог, не призывает к ней прямо, а привлекает к ней читателя и слушателя незаметно: ритмом повествования, цитированием молитвословий, использованием молитвенной метафоры. Именно так через пару веков будут строить свои произведения исихасты – приверженцы учения о непрестанной молитве и обожении. Кирилл несколько опережает появление исихастской литературы на Руси. Стилистические находки Кирилла, в том числе создание образа страдающей Богородицы на основе Страстного богослужения, найдут самый живой отклик у средневековых писателей в эпоху второго южнославянского влияния, т. е. в период реформы литературного языка и распространения исихастского учения в славянских странах. Живой, понятный, жизненный образ Богородицы, очевидно, сочетался с тем теплым, сердечным обращением к Богу, которое характерно для исихастского мирозерцания.

Тот факт, что образ страдающей Богородицы, именно такой, каким он представлен в Страстных службах, стал традиционным образом в литературе Средневековья, говорит о важности этого представления о Богородице: сострадающая, любящая до самого крайнего сострадания, самых скорбных рыданий и воплей ко Христу. К этой традиции, основоположником которой в литературе Киевской Руси можно считать Кирилла Туровского, писатели Средневековья обращаются не только тогда, когда говорят о Богородице, но и в других случаях, когда описывают сострадание и надгробный плач. Немаловажно, что настроение, переданное в Страстном богослужении, стало образцом для сострадательного и надгробного плача. Образ Богородицы у Креста, описанный в богослужении, внес важный нравственный элемент в православное мировоззрение средневекового человека.

Так, наследуя литературные приемы Кирилла Туровского, Григорий Цамблак прибегает к аллюзии гимнографических произведений. Богослужебный текст Страстной пятницы был использован Цамблаком в качестве литературного источника в Слове надгробном митрополиту Киприану. Плач Богородицы и Иосифа Аримафейского Цамблак цитирует в созданном им надгробном плаче по митрополиту Киприану:

«Како язык понужду к служению слову, якоже нѣкими тяжкими оковами бѣдою окованный? Како отверзу уста, безгласием содержимаа! Како же ли возрю душевными очима, тмою бѣди покровен?» [12].

Сравним со схожим отрывком из богослужения Страстной пятницы:

«Како погребу Тя, Боже мой? Или какою плащаницею обвию? Коима ли рукама прикоснуса нетленному Твоему Телу? Или кия песни воспою Твоему исходу, Щедре?» [10, с. 464].

Епифаний Премудрый также унаследует традиции Кирилла Туровского и будет вкраплять вольное цитирование плача Богородицы у Креста в плач Пермской Церкви по Стефану Пермскому.

Этот перечень унаследований можно было бы продолжить.

Итак, литература Киевской Руси создала два образа Богородицы: Богородица-Царица и Богородица – страдающая Мать. Оба они не были оригинальной идеей древнерусских книжников, поскольку оба встречаются в ранних текстах. Но заимствование образа страдающей Богородицы из богослужебного текста для создания проповеди, превращение проповеди в своеобразное продолжение молитвы и начало непрестанной молитвы, а также использование названного образа для любого надгробного плача и описания сострадания как такового нужно признать оригинальными творческими идеями средневековых писателей. Образ страдающей Богородицы стал основополагающим для понимания такого

важного нравственного аспекта православного мировоззрения, как сострадание, явился одним из важных стилиобразующих моментов в произведениях ораторов Киевской Руси и в литературе второго южнославянского влияния.

1. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4945> (дата обращения: 12.09.2018).

2. Слово на Успение Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4866> (дата обращения: 12.09.2018).

3. Хожение Богородицы по мукам // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4866> (дата обращения: 12.09.2018)..

4. Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4936> (дата обращения: 12.09.2018).

5. Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия // Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 2001. С. 154–159.

6. Гриднева Л. Н. Страсти Господни и Благодать в пасхальном цикле торжественных Слов Кирилла Туровского // Святоотеческие традиции в русской литературе: материалы научно-практической конференции. Омск: Вариант-Омск, 2005. С. 34–41.

7. Колесов В. В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 92–98.

8. Творогов О. В. Кирилл, епископ Туровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 220.

9. Кирилл Туровский. Слово о снятии Тела Христова с Креста // Красноречие Древней Руси: XI–XVII вв. М., 1987. С. 80–91.

10. Триодъ постная. М.: Изд. Московской патриархии 1992. 590 л.

11. Рогачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. М.: Языки русской культуры, 1999. 280 с.

12. Григорія мниха и прозвитера, игумена обители Плинаирска, [Слово] надгробное, иже во святых по истинно, Киприану, архієпископу російському // Изборник. URL: <http://litopys.org.ua/> (дата обращения: 12.09.2018).

© Шуმიло С. М., 2018